

СОСТОЯНИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Казберов П.Н.¹, Новиков А.В.¹

¹ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», Москва, Россия (119991, Москва, ГСП-1, Житная ул., 14), e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Проведен анализ теоретико-методологического обоснования психологической работы по противодействию распространению экстремизма среди осужденных в исправительных учреждениях. Анализ определил, что на сегодня необходимость теоретико-методологического обоснования психологической работы по противодействию распространению экстремизма именно среди осужденных является крайне актуальным. В имеющейся методической литературе представлено множество теорий и подходов значительного количества исследователей из разных сфер применения знаний социальной и юридической психологии. Это правоохранительная, этническая, религиозная, военная, клиническая и другие сферы. Именно пенитенциарная сфера психологической работы по противодействию распространению экстремизма представлена достаточно слабо. На данный момент разработаны положения по психологической работе только с осужденными за террористическую деятельность и только с использованием одной теории – психоанализа. Логичен вывод о том, что крайне необходимо использование интегративного подхода в решении проблемы распространения экстремистских идей в местах лишения свободы. Применения только одной модальности явно недостаточно. Соответственно, необходимо детальное и достоверное изучение осужденных за экстремистскую деятельность. Только на основании такой работы возможно определение путей разработки соответствующих психологических программ по работе с ними. Здесь прежде всего необходим анализ уже имеющихся наработок в научной и методической литературе. На сегодня какого-либо однозначного понимания проблемы и определений экстремизма нет не только в юридической психологии, но и в самой юриспруденции. Необходимо определение собственных теоретико-методологических основ построения психологической работы с осужденными за экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: противодействие, теоретико-методологическое обоснование, экстремистская деятельность, терроризм, теория, юридическая психология, насилие, мировоззренческая картина, мотивация, радикальный ислам, социальный активизм, суицидальный терроризм, клинический подход, этнос, психотравма, этнический аффект, психодинамические изменения, сфера бессознательного, социальная агрессивность

CONDITION THEORETICAL AND METHODOLOGICAL JUSTIFICATION THE PSYCHOLOGICAL WORK ON CONFRONTING THE SPREAD OF EXTREMISM AMONG THE CONVICTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Kazberov P.N.¹, Novikov A.V.¹

¹Research Institute of the Federal Penitentiary Service State, Moscow, Russia (119991, Moscow, Zhitnyaya street, 14), e-mail: novikov.pravo@mail.ru

The analysis of the theoretical and methodological basis of psychological work to counter the spread of extremism among inmates in correctional institutions. The analysis found that today need theoretical-methodological basis of psychological work to counter the spread of extremism among prisoners is an extremely topical. The existing methodological literature are a lot of theories and approaches a large number of researchers from different fields of application of knowledge Social and Legal Psychology. This law enforcement, ethnic, religious, military, clinical and other areas. It penitentiary sphere of psychological work to counter the spread of extremism represented by rather weak. Currently developed provisions for psychological work only convicted of terrorist activities, and only using one and the theory - psychoanalysis. Logical conclusion that it is extremely necessary to use an integrative approach to solving the problem of the spread of extremist ideas in prison. Applications only one modality is not enough. Accordingly, it is necessary a detailed and accurate study of the convicted for extremist activity. Only on the basis of such work may identify ways to develop appropriate programs of psychological work with them. Here, first of all necessary to analyze the existing developments in scientific and methodical literature. Today, any unambiguous understanding of the problem and there is no definition of extremism not only in legal psychology, but also in the law. It is necessary

to define their own theoretical and methodological bases for constructing psychological work with convicted for extremist activity.

Keywords: counteraction theoretical and methodological substantiation, extremist activities, terrorism, the theory, legal psychology, violence, world outlook pattern, motivation, radical Islam, social activism, suicide terrorism, clinical approach, ethnos, psychotrauma, ethnic affect, psychodynamic changes, unconscious sphere, social aggressiveness

Вопрос разработанности теоретико-методологического обоснования психологической работы по противодействию распространению экстремизма среди осужденных в исправительных учреждениях представляется весьма неоднозначным. С одной стороны, о проблеме распространения экстремизма в обществе в целом и среди осужденных в частности написано достаточно много научных работ. С другой стороны, анализ этих исследований показывает, что в рамках социальной и юридической психологии разработаны весьма отличные друг от друга по своим методологическим основаниям подходы (теории). Общих методологических позиций по этому вопросу нет. Объективности ради стоит отметить, что такое положение наблюдается не только в юридической психологии [2], что и придает значимость и актуальность нашей работе. В ходе выполнения научно-исследовательской работы в 2013–2014 гг. по разработке психопрофилактической программы по противодействию распространению экстремизма в местах лишения свободы авторским коллективом проанализирован значительный массив научной литературы по предмету изучения, что и позволило прийти к ряду выводов, изложенных в материале публикации.

Итак, методологический кризис в понимании и определении природы экстремизма наглядно представлен в самом праве (юриспруденции), причем даже на уровне базовых определений. Так, первая попытка раскрыть определения «экстремизм» и «терроризм» на международном уровне была предпринята на Шанхайской Конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15.06.2001 г.).

Понятие «экстремизм» в переводе с латинского (*extremus*) обозначает «крайний». Таким образом, «экстремизм» – это система крайних религиозных, этнических, политических и иных взглядов и связанного с ними поведения, нарушающего принятые в данном социуме уголовные, а также моральные нормы (стандарты).

Экстремистами нередко называли и крупных общественных деятелей, принесших пользу своей стране (например, У. Черчилля), и они, судя по свидетельству биографов, даже гордились этим. Терроризм же – это скорее средство, способствующее реализации экстремистских целей. Само определение «террор» (от лат. «ужас», «страх») понимается как «угроза или использование силы в политических соображениях». И если под экстремизмом понимаются чаще всего некие крайние идеи («Отгородить Кавказ колючей проволокой» – публично высказанные слова крупного политического деятеля в целях мобилизации своего

электората), то терроризм необходимо определять как практические действия по реализации крайних идей.

Отечественное законодательство дает определение понятию «*экстремистская деятельность (экстремизм)*». В ст. 1 Федерального закона 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» приводится толкование определения. Объемная формулировка состоит из 13 пунктов. В них определены действия: по нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; по воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенные с насилием либо угрозой его применения; по изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации.

Определение терроризма содержится в законе о борьбе с терроризмом от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ. Это насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений.

Чрезвычайная сложность и многообразие проявлений терроризма и экстремизма обуславливают то, что сегодня даже в юридической науке отсутствуют сколь-нибудь однозначная их трактовка и определение. Приведенные выше определения указывают на частое смешивание и необоснованное расширение этих понятий, приводят к необоснованным практическим решениям. Так, на наш взгляд, вряд ли следует серьезно считать террористом или экстремистом нетрезвого водителя транспортного средства,

нанесшего (судя по стилистике судебного приговора) «физические и моральные страдания» сразу четырем сотрудникам ГИБДД в силу «внезапно возникшей неприязни».

Возвращаясь к проблематике юридической психологии, необходимо отметить, что отсутствие единообразия в понимании и интерпретации всего, что имеет отношение к экстремизму и его крайне деструктивной форме проявления — терроризму, продиктовано рядом причин. Во-первых, различиями тех сфер деятельности, в которых проводят исследования авторы подходов и теорий: юридическая психология, юридическая педагогика, военная психология, психология правоохранительных органов, клиническая психология и т.д. Во-вторых, авторы являются представителями различных научных школ (отечественных и зарубежных), имеющих собственные оригинальные методологические позиции. В-третьих, исследователи используют различные теории (модальности), уже принятые в международном научном сообществе (психоанализ, бихевиоризм, гештальт-психология и т.д.) при проведении собственных исследований и оформлении их результатов.

Остро стоит вопрос о качестве проведенных исследований и оформившихся на их основании подходов и теорий, учитывая их крайнюю многочисленность.

Так, нельзя не согласиться с А.Г. Караяни, определившим, что при решении многочисленных задач при рассмотрении вопроса о профилактике терроризма «явно не хватает методологической базы» [3].

Не подлежат сомнению и другие выводы исследователя в отношении характеристик состояния изучаемой проблемы. В методической литературе определяется большое количество видов террористических действий, типов личности экстремистов и террористов и преступных террористических групп. Эта ситуация, казалось бы, должна вносить оптимизм. Тем не менее в реальности осуществляется то, что в военной психологии определяют как «сокрытие цели среди множества ложных объектов» [3]. Качество публикаций, таким образом, существенно уступает их количеству.

Также не вызывает сомнений мысль А.Г. Караяни о том, что работы по проблеме терроризма часто принадлежат авторам, никогда не видевшим в жизни террористов, а также следственных и судебных документов по их преступлениям. В этих исследованиях не соблюдаются элементарные требования по репрезентативности выборки и валидности [3].

М.М. Решетников определяет, что существует множество подходов и теорий по проблеме терроризма и экстремизма, но вот прагматически ценного в этом направлении сделано совсем не много. При этом «значительная часть этих теорий разрабатывается на уровне здравого смысла, при этом апеллируя к явлениям, выходящим далеко за рамки обыденной жизни» [5].

В соответствии с вышеуказанным вопросом крайне актуален вопрос типичных методологических недостатков (просчетов) имеющихся исследований. В своих исследованиях А.Г. Караяни приводит подробный анализ таких типичных ошибок в определении методологических основ при исследовании проблем экстремизма и терроризма. Автор прежде всего определяет, что берущееся психологами в качестве основы разработки методологического конструкта юридическое определение терроризма не совсем валидно. С позиций исследователя-психолога эта дефиниция выступает односторонней и необъективной. В ней совершенно упускается социальная составляющая (взаимодействие). Доминирование политической составляющей в определении терроризма также препятствует постижению его глубинной природы.

В указанном содержании понятия не являются системообразующим началом ни мотивы, ни цели, ни последствия, ни специфические средства совершения террористических актов для самих преступников, преступления ввиду их общего многообразия и сложности. Проявляющиеся современные виды террора — экономический и кибертерроризм — выходят за рамки такого явления, как ужас.

Современные исследования зарубежных авторов [12], действительно работавших длительное время с осужденными за террористическую деятельность, раскрывают аспекты их мировоззренческой картины, мотивации к этой деятельности и механизмы принятия соответствующих решений. Разделяя всех осужденных этой категории на социальных и религиозных террористов, авторы определяют, что более опасны те из них, чья мотивация поведения основывается на идеях радикального ислама.

Часть зарубежных исследователей [13] высказывают гипотезу о том, что социальный активизм и его трансформации в суицидальный терроризм — это звенья одной цепи. Авторами также отмечается гипотеза о проявлении «специальных социальных факторов», влияющих на мотивацию преступников.

Отечественные специалисты [5] по этому вопросу определяют, что эти «социальные факторы» всего лишь то, что находится на поверхности. Тем не менее необходимо думать о более значимом, включая происходящие в обществе процессы.

М.М. Решетниковым по вопросу понимания проявлений экстремизма и терроризма предлагается теория социального активизма. По мнению автора, терроризм выступает как крайняя форма социального активизма [5], свойственного преимущественно людям, переживающим кризис переоценки и самоутверждения в сочетании с юношеской агрессивностью, и, возможно, людям зрелого возраста. Возрастная (естественная) агрессивность, не испытывая необходимого противодействия, катализируется агрессией старших.

Далее, по мнению автора теории, в указанной ситуации запускается в действие проявление «родового мифа», сформированного идеей о том, что «моя нация не может быть плохой». Родовой миф проявляет себя, как только возникает какая-либо угроза базовым жизненным потребностям человека, семьи, рода или нации. Жизненные потребности связаны с перманентными жизненными ресурсами: территория обитания, безопасность, питьевая вода, пища, возможность продолжения рода, достоинство, самоуважение, жизненная перспектив и т.д. Исследователь определяет, что проявлению феномена родового мифа способствует защитный механизм проекции агрессии и вины вне себя: в случае значимых неудач (в реализации базовых жизненных потребностей) виновен не я, не моя семья, нация, а другие люди. Виновниками чаще всего выбираются те, кто легко отличается внешне. И правило номер два: есть возможность для наказания этих людей. Вот так, считает исследователь, и проявляется национальная или социальная рознь в виде экстремизма и террористических актов.

М.М. Решетниковым разработан и клинический подход к пониманию экстремизма, прежде всего на почве межнациональных конфликтов [4]. Здесь автор определяет массовые (в рамках какого-либо этноса) паранойяльные проявления в форме мыслей о социальном унижении, несправедливости, преследовании, с выводами о необходимости установления правды и возмездия, вплоть до террора.

Автор определяет, что в случае наличия в анамнезе истории нации (народа) значимой психотравмы, связанной с унижением, через определенное длительное время (десятки либо сотни лет) способны появиться искаженные идеи (или идеи отношения), которые при определенных условиях способны превратиться в убежденность этноса в собственной правоте и даже избранности Богом. Может возникнуть идея о миссии нации в комплексе с идеями о самопожертвовании и отмщении.

3. Фрейд в своих работах [10] отмечал, что при изучении различных аспектов в жизнедеятельности этносов «необходимо брать во внимание такие мотивы, которые направлены на то, чтобы стереть память обо всем, что тяжело для вспоминания национального чувства».

Исследователь вопроса М. Волкан [14] обращает внимание на то, что при рассмотрении массовых (национальных) психотравм и проявлении этнических аффектов особую роль имеют способы их передачи последующим поколениям. В работах Анны Фрейд и Дороти Берлингем [11] определяется, что если в случае бомбардировок городов вражеской авиацией матери не выказывают беспокойства, то и дети не проявляют страха и тревоги. Феномен был определен исследователями как «текучесть психических границ между матерью и ребенком».

Собственно пенитенциарная сторона изучаемого вопроса представлена разработками профессора В.Д. Сочивко и его учеников [1, 6-9]. Достоинством работ представителей этой научной школы является прежде всего валидность исследований, основанная на изучении проблемы посредством работы с существующими реально террористами в местах лишения свободы. В качестве недостатка хотелось бы отметить некоторую односторонность, выражающуюся в использовании в качестве методологических основ только позиции психодинамического подхода (психоанализа).

Примером таких работ является диссертационное исследование Г.И. Белокурова [1], проведенное под научным руководством профессора В.Д. Сочивко. В исследовании автор определяет и решает задачу по выявлению того, «какие психодинамические изменения происходят в личности, ее сознательной и бессознательной сферах, в их единстве и в конечном итоге выступают факторами, способствующими вовлечению в террористическую деятельность» [1].

Тем не менее в рамках проблематики противодействию распространению в исправительных учреждениях экстремизма и в целях проведения корректного и качественного исследования с позиций методологии пенитенциарной психологии необходимо дать собственное (психологическое) определение указанных явлений на основании уже имеющихся юридических определений (категорий, норм и их составов).

В качестве выводов по статье необходимо определить, что проявления экстремистского характера могут быть определены в рамках методологического поля пенитенциарной психологии как деструктивно-агрессивные действия, преследующие политические, националистические и конфессиональные мотивы, а также цель дестабилизации установленных (режимных) социальных отношений и требований в пенитенциарной среде. Основным вопросом для любого полинационального и многоконфессионального социума людей является здесь то, куда, как, кем и каким образом направляется и контролируется нормальная социальная активность (в том числе – оппозиционного характера) и нормальная (не деструктивная) социальная агрессивность.

Список литературы

1. Белокуров Г.И. Психодинамика личности осужденных, вовлеченных в террористическую деятельность: дисс... канд. психологических наук. – Рязань, 2010. – 186 с.
2. Казберов П.Н. Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 4. – 61 с.

3. Караяни А.Г. О роли психологии в профилактике терроризма // Национальный психологический журнал. – 2010. – №2(4). – С. 37–45.
4. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей / Под ред. проф. М.М. Решетникова. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа – 2004. – 48 с.
5. Решетников М.М. Неочевидный образ будущего: социальные процессы и терроризм в Европе. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005. – 48 с.
6. Сочивко Д.В. Подсознание террориста – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 196 с.
7. Сочивко Д.В. Психодинамика. – ПЕР СЭ, 2003. – 256 с.
8. Сочивко Д.В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. – М., 2002. – 157 с.
9. Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е. Психодинамические исследования развития криминальной деструктивности личности. – Рязань: Академия ФСИН России, 2006. – 180 с.
10. Фрейд З. Психопатология обывденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений / Под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Просвещение, 1990. – С. 255, 309.
11. Freud A., Burlingham D. War and Children //New York: International University Press, 1943. – 237 p.
12. Post J., Sprinzak E., Denny L. The Terrorism in their Own worlds //London: Karnac, 2012 – 435 p.
13. Twellmoy S.W. Sacco F.C. Reflection on the making a terrorist. Terrorism and war//London New, 2012. – 435 p.
14. Volkan V. Traumatized societies / In: Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insight on Terror and Terrorism//London, International Psychoanalytic Association. P. 217–237.

Рецензенты:

Дворянсков И.В., д.ю.н., доцент, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва;

Оганесян С.С., д.п.н., профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва.